Т. И. Сидненко

РУССКАЯ ЛИБЕРАЛЬНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX века

Рассматривается идейно-теоретическое наследие либеральных историков конца XIX — начала XX века в контексте исследования основных философских направлений этого периода. Цель статьи — не просто осветить современные представления о влиянии позитивизма, неокантианства и марксизма на русскую либеральную историографию, но и обозначить основные тенденции в истории изучения проблемы. На основе сопоставления опыта реформирования исторической науки прошлого века с современными требованиями и принципами развития дается анализ основных тенденций формирования инновационных проектов П. Г. Виноградова, Н. И. Кареева, А. С. Лаппо-Данилевского, П. Н. Милюкова, И. М. Гревса, Д. М. Петрушевского. Автором задействован широкий круг российских публикаций и архивных документов. В работе использовались новые архивные материалы, уделялось внимание либеральной публицистике и переписке историков.

Ключевые слова: либеральные историки, историография, личность, методология, позитивизм, неокантианство, марксизм, наука.

T. Sidnenko

RUSSIAN LIBERAL HISTORIOGRAPHY AND EUROPEAN PHILOSOPHIC THOUGHT AT THE END OF XIX — BEGINNING XX cc

The article regards ideological-theoretic heritage of liberal historians of the end of XIX — beginning of XX centuries in the framework of research into main philosophic trends of this period. The purpose of the paper is not only to describe modern approaches to the influence of Positivism, Neo-cantianism and Marxism on the Russian liberal historiography, but also to highlight the basic tendencies in the history of analysis the problem. On the basis of comparison of historical science reforms of the last century with the modern requirements and principles of development, the analysis of basic tendencies of modern innovative projects introduced by P. G. Vinogradov, N. I. Kareyev, A. S. Lappo-Danilevsky, P. N. Milyukov, I. M. Grevs, D. M. Petrushevsky is given. A wide range of Russian publications and archive documents as well as publications and correspondence of liberal historians has been used.

Keywords: liberal historians, historiography, personality, method, positivism, neocantiantstvo, marxism, science.

Историко-социальные и политико-правовые позиции либеральных историков во многом определялись характером методологических исканий, отражая представления о характере, движущих силах исторического развития и специфике исторического познания. В данной связи преимущественный интерес у либеральных историков вызывали позитивизм, неокантианство, марксизм. Формируя свое отношение к ним, русская либеральная историография вырабатывала собственные методологические позиции.

Становление нового видения задач исторической науки и представлений о характере и специфике методологической практики историка сопровождалось полемикой. В нее были вовлечены практически все историки. В историко-философской литературе не достигнуто единых позиций в вопросе о времени восприятия позитивистских и неокантианских идей Н. И. Кареевым, Д. М. Петрушевским, В. М. Хвостовым, М. М. Хвостовым. Одни относят этих историков либо к неокантианцам, либо к разделяющим принципиальные идеи неокантианской теории [40, с. 260–262, 267; 48, с. 169; 54, с. 72, 78–81, 98], другие — характеризуют их воззрения как позитивистские [1, с. 134; 37, с. 175; 45, с. 55–56].

Исходя из специфики методологии неокантианства, было бы неправомерно причислять к неокантианцам Н. И. Кареева, основываясь на отождествлении его «этического отношения» к истории с неокантианским методом отнесения к ценности [40, с. 260–262]. Во-первых, под «этическим отношением» Н. И. Кареев подразумевал не способ отбора существенного в истории, а лишь этическую оценку прошлого, необходимость и неизбежность которой, в отличие от основоположников баденской школы, он признавал [17, с. 278, 283]. Во-вторых, «этическое отношение» только дополняло единый общенаучный метод познания, который Н. И. Кареев называл отношением «теоретическим» [17, с. 287]. Еще А. К. Дживелегов справедливо замечал: «Субъективизм Н. И. Кареева всецело обосновывается средствами позитивизма… Метод исторической науки объективен. Субъективно только наше отношение к установленным уже научным исследованием историческим фактам» [10, с. 326].

Напротив, воззрения В. М. Хвостова следует признать неокантианскими в своей основе [51, с. 89, 109, 110, 112, 126, 364]. Н. М. Дорошенко, к примеру, считает, что именно В. М. Хвостов наиболее полно и глубоко в дореволюционной России развивал неокантианские идеи [11, с. 62]. Заметим, что русские революции начала XX века кардинально повлияли на окончательный переход историка на позиции неокантианства [52, с. 28, 141; 50, с. 364–365].

Интересно, но, в отличие от позитивистов, Н. И. Кареев, М. М. Ковалевский, А. С. Лаппо-Данилевский, П. Н. Милюков допускали возможность катастроф в истории, сочетание прогресса и упадка в эволюции общества [7, с. 155, 158; 12, с. 1; 20, с. 6–7; 23, с. 11; 30, с. 88; 42, Д. 131, л. 5, Д. 316, 90–91; 55, с. 1]. Собственно, историки взяли не столько схему О. Конта, сколько его научное направление, связывая понимание движущих сил общественного развития с решением проблемы прогресса в истории. Резко критикуя метафизические попытки объяснения сущности явлений не на основании эмпирических данных, а с помощью умозрительных построений, П. Н. Милюков в то же время принимал существование вопросов, не решаемых в рамках опыта, но доступных лишь «философскому объяснению» [32, Ч. 2, с. 3]. Следует заметить, что, согласно И. Канту, в сфере «метафизики» исследователь имеет дело не с фактами, а с ценностями, методологическим приемом становится

интуиция, вера, а не опыт. П. Н. Милюков пытался доказать, что его теоретические и концептуальные построения имеют строго «позитивный» характер, полностью базируются на фактах. Но фактически полностью устранить субъективизм в своих исследованиях не может ни один ученый. Утверждение о наличии закономерности в истории доказывалось П. Н. Милюковым так: «…Широкое применение идеи закономерности необходимо вытекает из современного взгляда на мир точно так же, как идея целесообразности вытекала из старого мировоззрения. Мы принимаем закономерность исторических явлений совершенно независимо от того, может ли история открыть нам эти искомые законы» [32, Ч. 1, с. 8].

Заметим, что А. Н. Медушевский, В. А. Муравьев признают существенное влияние неокантианства на П. Н. Милюкова [28, с. 246; 38, с. 223], а А. В. Макушин, П. А. Трибунский — отвергают [27, с. 340]. Вряд ли оно имело место в том объеме, который позволяет говорить о неокантианской методологии исследования. П. Н. Милюкову свойственна была уверенность, что в процессе исследования объективный факт первичен, и лишь на его основе создается теория или концепция. В отличие от неокантианцев он настаивал, что в истории, как в естественных науках, есть свои законы, и историк не может ограничиваться описанием индивидуальных фактов, а должен стремиться к обобщениям. Более того, П. Н. Милюков ставил вопрос о необходимости различать факт и представления о нем [36, с. 173].

Склонность П. Н. Милюкова сводить социологию к психологии [33, с. 6] встретила критику за отождествление закономерности с причинностью [21, с. 27], за «фактический отказ» П. Н. Милюкова от самой идеи закономерности в духе неокантианства [4, с. 22–23; 21, с. 26–27]. Однако П. Н. Милюков принимал «закономерность исторических явлений совершенно независимо от того, может ли история открыть нам эти искомые законы» [34, Ч. 1, с. 8].

Воздействие неокантианства на российскую историографию в большей степени сказывалось в сфере методологии. В рамках неокантианского течения совершалась коренная ломка представлений о характере и форме исторического познания, на которых базировалась отечественная историческая наука. Утверждению ведущих позиций неокантианства в российской историографии начала XX века способствовало стремление неокантианцев соединить методологические построения с системой исторического знания, превратить методологию истории в специальную научную дисциплину. При этом, противопоставляя себя философии позитивизма, неокантианская методологическая концепция находила с ней некоторые точки соприкосновения. Принципиально расходясь с позитивизмом в трактовке конечной ориентации познания истории, методология неокантианства абсолютизировала основанную на фактографизме практику конкретно-исторических исследований, которую позитивисты рассматривали как подготовительную стадию развития исторического знания. Привлекательность неокантианства как философско-методологического направления объяснялась не только его теоретическими выводами относительно роли личности в истории и науке. Социально-политические потрясения начала XX века привели теоретиков российской либерально-исторической мысли к необходимости ценностной переориентации в обосновании историко-политических событий, возможности установления «правового государства» [46, с. 54–69, 99–101, 167–170, 174–175; 47, с. 138–213] в России.

Исследовательские подходы к роли личности в истории отражали целые на-

правления в российской общественно-политической и историко-социологической мысли того времени. К примеру, П. Н. Милюков принял позицию марксистов: «Целесообразная деятельность личности, с точки зрения науки, есть только одно из видоизменений причинной связи явлений: это тот же закономерный процесс, перенесенный из области внешнего мира в область психической жизни. Целесообразный же ход истории нисколько не вытекает сам по себе из целесообразной деятельности личности, хотя и может сделаться целью ее сознательных стремлений. Каких бы сложных и высоких форм не достигло развитие сознательной деятельности личности, эта деятельность нисколько не мешает научному представлению о закономерном ходе истории, а является только лишним фактором, подлежащим научному изучению и объяснению с точки зрения закономерности. Таким образом, свободное творчество личности никоим образом нельзя противопоставлять законам исторического процесса, так как и самое это творчество входит в рамки тех же самых законов» [34, Ч. 1, с. 8, Ч. 2, с. 3, 5].

Постоянными оппонентами П. Н. Милюкова в данном вопросе следует назвать П. Б. Струве и Н. И. Кареева. Если П. Б. Струве подвергал сомнению научность попыток П. Н. Милюкова объяснить с помощью идеи закономерности роль личности в истории [35, Т. 1, с. 41; 27, с. 350], то Н. И. Кареев подчеркивал значительный элемент субъективности в деятельности личности, что не только накладывает отпечаток на ее личную судьбу, но и отражается на общественных явлениях, становясь одним из главных факторов прогресса [14, Т. 1, с. 114–115, 142, 397, 456, Т. 2, с. 242; 16, с. 154; 18, с. 47–48]. Не найдя четко обоснованного механизма воздействия психологической закономерности на поведение отдельных личностей у П. Н. Милюкова, П. Б. Струве отверг идею, предложенную для рассмотрения историком. В позициях Н. И. Кареева и П. Н. Милюкова различия заключались в акцентах, расставляемых историками в отношении роли личности в истории. При всех оговорках о формальном равенстве факторов исторического процесса П. Н. Милюков выдвигал на первое место социологическую закономерность, полагая, что «личность» присутствует в истории как элемент «случайности» [32, Ч. 1, с. 14]. У Н. И. Кареева доминирует позиция, согласно которой личности отводится более существенная роль. С другой стороны, П. Н. Милюков разграничил сферы восприятия данной проблемы — практическую и теоретическую, и соответственно выделил два подхода к решению вопроса. В общественной деятельности П. Н. Милюков признавал за личностью более активную роль [31, с. 65–66]. Далее, П. Н. Милюков дает и теоретическое обоснование необходимости активной позиции личности в истории [29, с. 14]. С другой стороны, в отличие от марксистской концепции о «решающей роли народных масс в истории», П. Н. Милюков подчеркивал не количественный рост сознательности масс, а возможность качественного изменения [32, Ч. 1, с. 18].

Таким образом, у П. Н. Милюкова явно прослеживается исторический оптимизм как неотъемлемая черта его научной и общественной деятельности, в отличие от Н. И. Кареева, склонного видеть в деятельности отдельных личностей больше элементов иррационального, нежели сознательного творчества. К анализу характера влияния личностного фактора на историческое развитие П. Н. Милюков подходил с позиций марксизма, сочетавшихся с субъективным подходом в его интерпретации. В то же время при исследовании исторического процесса П. Н. Милюков первенство отдавал социологической закономерности, нежели личностному фактору.

Усматривая в личности «единственный фактор истории», Н. И. Кареев стремился отыскать законы общественного развития в свойствах человеческой природы. Приверженцами социального биологизма выступали, в частности, И. В. Лучицкий [26, с. 35, 36–37], П. Г. Виноградов [6], М. М. Ковалевский [19, с. 9, 305–307]. Стремление отыскать в психологических законах ключ к пониманию общественного процесса, сведение многообразия тенденций исторического развития к человеческой природе как к их первоисточнику, попытка совместить психологическую и экономическую точки зрения в интерпретации истории общества отражали одну из тенденций развития либеральной историографии в конце XIX века.

В то же время биопсихологизм в объяснении истории стал одной из наиболее слабых сторон методологических взглядов либеральных историков, приводящих к историческому агностицизму, отвлекающих историков от исследования собственно исторических закономерностей в их конкретно-исторических трудах. Увлечение биопсихологическим объяснением истории вступало в противоречие со стремлением либеральной историографии к раскрытию значения социально-экономических отношений в общественном процессе. В последней четверти XIX века не идеализм, провозглашавший идею творцом истории, а биопсихологизм как более утонченная форма идеалистического мировоззрения становится главным оппонентом материалистического понимания истории.

Заметим, тем не менее, что указания на исторический идеализм как существенное содержание либеральной историографии явно недостаточно. Собственно, сам термин «исторический идеализм» является чрезвычайно многозначным. Более того, методологические взгляды либеральных историков, испытавших определенное влияние материалистического понимания истории, являлись слишком сложными и противоречивыми, чтобы сводить их к чисто идеалистической системе. Определяющей чертой методологических идей либеральных историков является определенный эклектизм, выражающийся в смешении материалистических и идеалистических представлений о характере и движущих силах исторического процесса при наличии общего идеалистического миропонимания. Причем, материалистическое понимание истории признавалось за счет необходимого дополнения данными биологии и психологии. Важно подчеркнуть, что влияние биопсихологизма сказывалось, главным образом, в сфере теоретических воззрений либеральных историков, в конкретно-исторических трудах, напротив, объектом исследования выступают, как правило, социально-экономические отношения.

В какой-то мере неокантианское учение отвечало задачам критики марксистской историографии, необходимости теоретического переосмысления методологии марксизма. Критика марксистской методологии осуществлялась именно через отрицание объективности законов, присущих общественному развитию, через отрицание причинно-следственной связи духовного и материального начал [15, с. 337; 22].

Обратим внимание на дифференциацию позиций отечественных историков в их критическом отношении к неокантианской концепции. В значительной степени стремление пересмотреть ряд положений баденской школы вытекало не только из своеобразия предшествующего развития российской историко-философской мысли, но и из специфики социально-политической обстановки в России в 1903–1918 гг. и было обусловлено заметной противоречивостью самого неокантианского учения, несоответствием ряда его методологических установок практи-

ке проведения конкретных исторических исследований. Направленность неокантианства на выведение истории за рамки формы общенаучного знания, на исключение из арсенала исторической науки методов, применяемых в естествознании, на противопоставлении истории и теории не охватывала исследовательскую практику либеральной историографии, достигшей к концу XIX века высокого научного уровня, связанного преимущественно с успехами в изучении социально-экономиче-ской истории. При этом рационалистическая трактовка предлагаемого неокантианцами способа постижения прошлого вступала в противоречие с толкованием ими ценностей как категорий, трансцендентных по своей природе, на которых базировался такой способ.

К примеру, Риккерт противопоставлял историю и философию, А. С. Лаппо-Данилевский указывал на допустимость обоснования ценностей историком, хотя и считал это делом философской науки. Собственно само учение о ценности относилось А. С. Лаппо-Данилевским к числу социологических проблем [22, с. 52, 213–214, 218, 219–220]. Так, с одной стороны, А. С. Лаппо-Данилевский, следуя неокантианской традиции, принципиально возражает против монистического подхода, решая вопросы о методе и предмете истории с дуалистических позиций. С другой стороны, он разрабатывал именно методологию, а не собственную философию истории, в чем и заключалось его главное расхождение с неокантианством. Неокантианские философские убеждения проявлялись у А. С. Лаппо-Данилевского в его делении наук на номотетические и идиографические. Своеобразие позиции А. С. Лаппо-Данилевского состоит в том, что, в отличие от неокантианцев XIX века, относивших все естественные науки к номотетическим, а социологию — к идиографическим наукам, он социологию относил к номотетическим наукам, а историю природы — к идиографическим.

Нарастание социально-политических и культурно-правовых противоречий в России породило у части историков серьезные сомнения в возможности рационального обоснования общезначимых ценностей. Увеличение масштабов критики методологии неокантианства отечественной социально-философской мыслью [2, с. 605–606; 3, с. 154; 9, с. 214; 24, с. 404–407, 414, 448, 485–486; 25, с. 214, 215; 41, с. 508–513; 43, с. 13; 49, с. 12; 53, с. 38] влияло и на усиление методологических споров в среде историков.

Именно либерально-историческая мысль содержала в себе на концептуальном уровне опровержение марксизма как социологической доктрины. В отношении к марксизму рельефно проявилось своеобразие идейно-методологических позиций либеральной историографии. Попытки либеральных историков установить зависимость между социально-политическим развитием общества и изменениями в экономическом строе (М. М. Ковалевский, Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, П. Г. Виноградов, П. Н. Милюков, Д. М. Петрушевский) не могут быть поняты вне тех радикальных сдвигов во всех сферах жизни, которые переживала Европа и Россия в конце XIX века. Научная деятельность либеральных историков протекала в духовной атмосфере, благоприятствовавшей их знакомству с учением К. Маркса. Близкое знакомство либеральных историков с идеями марксизма и самими учеными состоялось и ранее, в период обучения в западных университетах и работы в архивах [47, с. 145–147, 158–159, 162–163, 178–179]. Нам представляется ошибочной та точка зрения, согласно которой распространение марксистских идей в России обусловлено одной лишь актуальностью проблемы капиталистического развития

и злободневностью рабочего вопроса. Причина такой популярности марксизма — и в относительной неразвитости капитализма, и в свойственных ему социальных противоречиях.

Своеобразие расстановки политических сил в пореформенной России порождало и своеобразие подходов либеральных историков к общей оценке марксизма, в большинстве рассматривающих марксизм как экономическую теорию, по преимуществу обосновывающую превосходство крупного капиталистического производства над мелким. Выделяя экономическое учение из всей совокупности марксистских идей, либеральные ученые показывали противоречивость марксизма как научной системы. В тесной взаимосвязи с представлениями либеральной историографии о революции, о ее закономерности в историческом процессе было и отношение ее представителей к марксистской интерпретации революционного процесса в истории. И, наконец, развитие исторической науки шло по пути расширения историографических и конкретно-исторических исследований по вопросам определения движущих сил истории и прогресса исторической науки, характера общественных отношений в определенную историческую эпоху, осмысления специфики общественного сознания. Изменения исследовательских ориентиров в исторической науке были, главным образом, обусловлены поисками строгой научности, стремлением к выявлению взаимосвязей исторических событий.

Не будет преувеличением сказать, что концепция феодализма (П. Г. Виноградов, М. М. Ковалевский, Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, П. Н. Милюков, Д. М. Петрушевский) в русской историографии формировалась под определенным идейным воздействием материалистической теории исторического процесса. Воздействие это сказывалось не столько на оценке отдельных исторических фактов и процессов, сколько на общетеоретических принципах, которыми руководствовались ученые в своих исследованиях конкретных проблем истории Западной Европы и России. Так, И. М. Гревс объяснял интерес к познанию «экономической истории» достижениями политэкономии и статистики; актуальностью социальных вопросов в общественной жизни современности; внутренним развитием исторической науки и влиянием марксизма [8, с. 34–35]. С ним был солидарен Д. М. Петрушевский, подчеркивающий: «…Привлечение к историческому исследованию с чисто социологическими целями материальной стороны исторического процесса (экономических и социальных отношений) и постановка проблемы генезиса идей как продукта общественного процесса — это здоровая, не умирающая сторона марксистского движения, это крупная заслуга так называемого исторического или экономического материализма» [44, с. 12].

Признавая за материалистическими принципами важное значение для внутреннего развития исторической науки, И. М. Гревс одновременно выступил против одностороннего, только экономического подхода к истории, в чем обвинял марксизм. По его мнению, этот подход игнорировал традиционный интерес в исторической науке к государственной, политической и культурной истории. При этом, историк был убежден, что интерес к экономическим вопросам, безусловно, плодотворен [8, с. 38–39]. В. П. Бузескул, Д. М. Петрушевский обратили внимание на влияние общественных условий на процесс возникновения социально-экономического направления. Так, В. П. Бузескул отметил, что в период развития в стране капитализма и рабочего движения «…вопросы и отношения социально-экономические стоят на первом плане … и волнуют каждого

мыслящего человека, и историческая наука при изучении прошлого обращает особое внимание на них, на состояние общества и общественных классов, на борьбу этих классов, на отношение к ней государства» [5, с. 460–461].

Н. И. Кареев подчеркивал преимущества теории Маркса перед философией истории Гегеля: «Теория Маркса как действительно историческая превосходила логическую конструкцию Гегеля» [39, с. 195]. В то же время Н. И. Кареев отрицал саму причинно-следственную связь духовного и материального начал, снимая вопрос о первичности какого-либо из них [13; 15, с. 337]. Марксизм характеризовался А. С. Лаппо-Данилевским как метафизическое и противоречивое построение, отождествляющее «материю» с «духом», которое «просто перескакивает из одной области в другую», но, «в сущности, не в состоянии с чисто материалистической точки зрения установить этические предпосылки своего учения и решить поставленную проблему обновления социального строя» [22, с. 114, 117–119].

Подводя итоги, выделим влияние позитивизма, неокантианства, марксизма на либеральную историографию конца XIX — начала XX века. Одновременно нами последовательно проводился тезис о методологической самостоятельности либеральной историографии. Дифференциация идейно-методологических позиций отечественных историков была обусловлена своеобразием предшествующего развития русской и зарубежной историко-философской мысли, спецификой социально-политической обстановки в России 1905–1917 гг. Изучение либеральной историографией социально-политической и государственно-правовой проблематики отражало потребности исторического сознания общества и развития науки в целом.

На примере научных поисков либеральных историков, представленных в данной статье, нами были проиллюстрированы те процессы, которые отражали динамику развития историографии на рубеже веков. В начале XX века расширился круг освещаемых проблем, используемых источников и методов их обработки историками, что неизбежно вело к эволюции как позитивистских, так и неокантианских представлений. Отход от классических методов в трудах либеральных историков поставил отечественную науку на новую ступень развития в общетеоретическом, в конкретно-историческом и культурном плане.

Стремление либеральной историографии путем применения совокупности подходов к исследованию историко-социальных закономерностей отражало общие процессы эволюции исторической науки в начале XX века. Именно анализ взаимосвязи социально-экономических отношений и личности в истории; культуры, науки, политики и идеологии; взаимосвязи социально-правового статуса исторической науки, личности историка в обществе с его конкретно-историческими и теоретико-методологическими работами, предложенные М. М. Ковалевским, Н. И. Кареевым, А. С. Лаппо-Данилевским, П. Н. Милюковым, Д. М. Петрушевским, позволяет сделать утверждение о высокой научной значимости и современности выводов ученых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

1. *Алексеев В. А.* Великий Октябрь и кризис буржуазной позитивистской социологии в России // Философско-методологические проблемы общественного развития. — М., 1979.

2. *Аскольдов С.* Теории новейшего критицизма // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 75 (V).

3. *Бердяев Н. А.* Sub specie aeternitatis: Опыты философские, социальные и литературные. (1900–1906 гг.). — СПб., 1907.

4. *Бочкарев Н. И.* В. И. Ленин и буржуазная социология в России. — М., 1973.

5. *Бузескул В. П.* Введение в историю Греции.— Пг., 1915. 3-е изд.

6. *Виноградов П. Г.* О прогрессе. — М., 1898.

7. *Виноградов П. Г.* Перспективы исторического правоведения // Современные записки. 1921. № VII.

8. *Гревс И. М.* Очерки из истории римского землевладения. (Преимущественно во время империи). Т. I. — СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. XXIII.

9. *Де-Роберти Е. В.* Новая постановка основных вопросов социологии. — М., 1909.

10. *Дживелегов А. К.* Н. И. Кареев (К 40-летию научной деятельности) // Голос минувшего. 1913. № 12.

11. *Дорошенко Н. М.* Философия и методология истории в России (конец XIX — начало XX в.): Учеб. пособ. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997.

12. *Кареев Н. И.* Историология (Теория исторического процесса). — Пг., 1915.

13. *Кареев Н. И.* О значении психологии для общественных наук // Вестник психологии, криминальной антропологии и педагогики. 1912. Т. 9.

14. *Кареев Н. И.* Основные вопросы философии истории. — М., 1883. Т. I; II.

15. *Кареев Н. И.* Основные вопросы философии истории. 3-е изд. — СПб., 1897.

16. *Кареев Н. И.* Сущность исторического процесса и роль личности в истории. — СПб., 1890.

17. *Кареев Н. И.* Теория исторического знания. — СПб., 1913.

18. *Кареев Н. И.* Философия истории и теория прогресса // Знание. 1876. № 2.

19. *Ковалевский М. М.* Современные социологи. — СПб., 1905.

20. *Ковалевский М. М.* Социология на Западе и в России // Новые идеи в социологии. 1913. Вып. I.

21. *Ковальченко И. Д., Шикло А. Е.* Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX — начале XX в. // Вопросы истории. 1982. № 1.

22. *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. Вып. 1. — СПб., 1910.

23. *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. Вып. II. — Пг., 1923.

24. *Лаппо-Данилевский А. С.* Основные принципы социологической доктрины О. Конта // Проблемы идеализма. — М., 1902.

25. *Ленин В. И.* Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. Т. 18.

26. *Лучицкий И. В.* Адам Фергюсон и его историческая теория // Университетские известия. — Киев. 1868. № 11.

27. *Макушин А. В.*, *Трибунский П. А.* Павел Николаевич Милюков: Труды и дни (1859–1904). — Рязань, 2001.

28. *Медушевский А. Н.* История русской социологии. — М., 1993.

29. *Милюков П. Н.* Введение в курс русской истории // Лекции, читанные П. Н. Милюковым на Московских педагогических курсах. 1892–93 г. — М., 1893. Вып. 1.

30. *Милюков П. Н.* Воспоминания, 1859–1917. Т. I–II. Нью-Йорк, 1955.

31. *Милюков П. Н.* Государственное хозяйство в первой половине XVIII века и реформа Петра Великого // Русская мысль. 1892. № 7.

32. *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. 1-е изд. — СПб., 1896–1903. Ч. 1–2.

33. *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. Ч. 3. Вып. 1. — СПб., 1903.

34. *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. 7-е изд. — М., 1918. Ч. 1–2.

35. *Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. — М., 1993. Т. 1.

36. *Милюков П. Н.* Рец. на «Историческое обозрение». 1890. Т. 1 // Русская мысль. 1891. № 3.

37. *Могильницкий Б. Г.* Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. — начала 900-х годов. — Томск, 1969.

38. *Муравьев В. А.* В. О. Ключевский и «новая волна» историков начала XX в. // В. О. Ключевский: Сб. материалов. — Пенза, 1995. Вып. 1.

39. ОР РГБ. Ф. 119. К. 36. Ед. хр. 2.

40. Очерки истории исторической науки в СССР. — М., 1963. Т. 3.

41. *Плеханов Г. В.* О книге Риккерта // Избр. филос. произв.: В 5 т. — М., 1957. Т. III.
42. ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 131.; Д. 316.
43. *Петрушевский Д. М.* К вопросу о логическом стиле исторической науки. — Пг., 1915.
44. *Петрушевский Д. М.* Очерки из истории средневекового общества и государства. — М.: Научное Слово, 1907.
45. *Рамазанов С. П.* Кризис в российской историографии начала XX в.: Ч. 1. — Волгоград. 1999.
46. *Сидненко Т. И.* Идейно-теоретические и методологические взгляды представителей российской либерально-исторической мысли конца XIX — начала XX вв. — СПб.: Нестор, 2006.
47. *Сидненко Т. И.* Либерально-историческая мысль в России на рубеже XIX — XX веков. СПб.: Нестор, 2004.
48. *Синицын О. В.* Неокантианская методология истории в русской буржуазной историографии конца XIX — начала XX в. // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. — Томск, 1984.
49. *Сорокин П. А.* Категория «должного» и ее применимость к изучению социальных явлений // Юридический вестник. 1917. Кн. XVII (I).
50. *Хвостов В. М.* Науки об общем и науки об индивидуальном // Вопросы философии и психологии. 1910. Кн. III (103).
51. *Хвостов В. М.* Теория исторического процесса: Очерки по философии и методологии истории. — М., 1919.
52. *Хвостов В. М.* Теория исторического процесса: Очерки по философии и методологии истории: Курс лекций. 2-е изд., испр. и доп. — М., 1914.
53. *Хвостов М. М.* Лекции по методологии и философии истории. — Казань, 1913.
54. *Хмылев Л. Н.* Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX — XX вв. — Томск, 1978.
55. ЦИАМ. Ф. 2240. Оп. 1. № 3636.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).
ПФА РАН — Петербургский филиал Архива Российской академии наук.
ЦИАМ — Центральный исторический Архив г. Москвы (Мосгорархив).